

Эрнст Трельч

Идеи 1914 года

*Речь, произнесенная в «Немецком обществе 1914-го»
(1916)*

...Мировая война — это в первую очередь нечто совсем иное, чем война духа или культурных противоположностей, что бы ни говорили на этот счет наши сверхмерные, патетические идеалисты. Это результат империалистических напряжений, ведущих свое происхождение от раздела планеты между немногими великими державами и от желания придержать немецкую конкуренцию в этой борьбе.

Дело шло о власти и жизни, и ни о чем больше. В особенности мы сами поначалу ощущали дело именно так. Потому что под вопросом стояло наше существование, а не существование других. Также и нашим противникам нужен был всего-навсего действенный моральный лозунг, они не стремились вести борьбу с немецким духом как таковым: в том случае, если бы немецкий дух готов был в политическом смысле отречься от себя самого, за ним даже признали бы определенное право на существование. Но в бою не на жизнь, а на смерть дело пошло не только о существовании, но и о духе. Необходимость защищать нас самих, призвавшая себе на службу всякого мужчину, всякую женщину, пробудила страстную любовь к собственной земле, к родине и к собственному существу — такому, каково оно есть, со всеми его достоинствами и ограничениями. Весь народ исполнился горячим порывом к постижению нашей собственной сущности, которая скрывалась до поры до времени под покровом повседневной жизни, а в дни войны устремилась в невероятные глубины и обрела невиданные силы. Этот порыв только усиливался благодаря обвинениям со стороны наших противников, которые, видя наши первые успехи, быстро сменили свои лозунги, усугубив их до хулы на современный немецкий дух в целом, и стали осypать нас градом поношений, обвинений и карикатур. Таким образом, империалистическая война за влияние и власть вдруг обратилась в войну духа и характеров. Самопонимание народа стало средством сопротивления врагу, стало источником духовных сил, которые преисполнили наш народ невиданной стойкости.

<...> Мы исходили из общей культуры европейского либерализма, но вдруг ощутили, что давно уже выросли из нее, да и раньше, находясь в ее пределах, всегда были чем-то особым. Мы заметили, что последние полвека мирного существования не были праздными, что это время, соединив все старые и новые силы, выработало нашу духовную физиономию, которая и стала нашим сегодняшним лицом и отмечена печатью нового духа. С зоркостью постороннего шведский теоретик государственного права, Челлен,^[1] обозначил этот дух как «идеи 1914 года», а еще до него видный немецкий политэконом Иоганн Пленге^[2] разглядел приближение целой духовной революции и дал ей то же самое имя: «идеи 1914 года». Зададимся же вопросом: что мы знаем и можем сказать сегодня, в 1916-м году, об этих идеях 1914-го?

Эти идеи не лежат на поверхности и не значатся ни в одном учебнике. В сей миг они произрастают в нас самих, растут вместе с нами. <...> Идеи вообще вырастают не из теорий и доктрин, а из мощнейших переживаний. Если мы желаем их понять, мы должны найти те переживания, из которых они сформировались, переживания, в которых весь прежний дух обрел новое направление и глубину. Так некогда, в ходе войны 1813 года за существование и восстановление прусского государства, дух Канта, романтиков и Гете принял новую форму евангелия немецкого национального духа — духа свободы, продуктивной индивидуальности, исконности, метафизической веры в божественное мировое призвание немцев. <...> Сегодня мы уже не можем образовать столь простой формулы, как та, что была в ту пору выработана Фихте. Романское и германское — это всего лишь малая часть сегодняшних противоположностей. <...>

Первое и самое могучее переживание нации заключается не в чем ином, как в самом открытии существования *духа*, явленного нам во всем нами переживаемом, в самом возвращении нации к вере в идею и дух. <...> Нам опять открылся мир метафизического, тайная взаимосвязь судьбы и смысла, тот сверхчувственный мир, великолепие которого преодолагает всяческую мертвую массу и силу, тот сверхчувственный мир, из которого истекает всякая истинная сила в нашем чувственном земном мире. Мы вновь осмелились называть причину и основание мира — *Богом*, заветнейшим и высшим словом нашего языка, — и вновь осмелились полагаться на Бога там, где с человеческой точки зрения всякий подсчет и расчет был бы труден. <...> Мы вновь стали зрячими там, где мы прежде были слепы, вновь обрели веру там, где прежде мы просто отдавали себя на волю мнимо поступательного хода вещей. И эта победа духа одушевляет наше оружие и наши машины. Их создал технический ум, но сегодня их ведет вера, готовая к смерти и к победе. <...>

С этим первым переживанием тесно связано и второе: открытие народа и массы не как предмета науки и статистики, а как живого потока жизни, который объемлет любого из нас. Это было незабываемым опытом того потрясшего нас августа, и об этом писали уже очень многие. В то же время это было избавлением от глубокого, пусть зачастую всего лишь воображаемого, искусственно придуманного противоречия между нашим здоровым, дельным, трудолюбивым народом и всей суетой так называемых интеллектуалов с их пессимизмом, разочарованностью и софизмами. Вместе с пробуждением духа, легко соединившего всех, без различия конфессий и теорий, скончалось и остроумничанье, которое прежде отделяло так называемую культуру от народа и массы и считало своей обязанностью все оплевывать. Впрочем, эта противоположность повсюду характеризует современное развитие государства и общества; один из известных наших социологов назвал это явление размежеванием абстрактно рационализованного и субъективированного общества от большой общности, объединенной кровью и инстинктом, нравами и символами. <...> То было время бумаги и литературства. Литература, отражавшая это общее состояние и, кроме того, массивно затронутая коммерческими интересами, представляла собой печальное зрелище. Никто не отваживался исповедовать свою собственную веру, все занимались иронизированием над самими собой, вращались вокруг себя самих, а лучшие умы относились к себе и ко всему в мире трагически. Это преподносилось как немецкий дух, но на деле было межнациональной культурной болезнью. <...> Потом пришла война и обнаружила то,

что для всех нас было общим. Сделало свое дело и то мощнейшее впечатление, какое проистекало от дисциплины и трудолюбия «массы», от ее спокойной верности долгу, от ее реальных свершений. Труд во время войны сплотил всех, высоко и низко стоящих, образованных и необразованных, а разделение опять сделалось естественным разделением труда и тех конкретных достижений, какие каждый из нас вносит в целое.

<...> Пришли тяжелые времена, когда превосходство англичан на море причинило нам страдания голода и торговой блокады. Но вместе с тем к нам пришло еще одно, третье переживание, гораздо более практическое и постепенное, чем оба первых, но оттого не менее великое: Германия стала замкнутым торговым государством. <...> И это не было произвольным построением, которое создается по необходимости и которое сразу же уничтожится при наступлении мира. Замкнутое торговое государство родилось из самого нашего существа, и оно должно будет еще долгое время защищать нас, подобно броне, ослабляемой не сразу, а лишь постепенно. <...>

Покуда мы были заняты этой великой работой, до нас все сильнее стали доноситься голоса и суждения из других стран, как враждебных нам, так и нейтральных. <...> Почти со всех сторон раздавался сильнейший протест против самого немецкого существа. И это было четвертым великим переживанием: мы оказались изолированы в духовном плане, причем в такой степени, что это было неожиданностью даже для хорошо знавших обстановку за рубежом. <...> Однако и этот опыт явился для нас прежде всего поводом к новому самоосмыслению. И в процессе этого обращения к самим себе нам явилась идея свободы, которая действительно отличается от свободы в понимании западных народов — как от индивидуализма английского человека-властелина, так и от восторженной идеи равенства, идущей от теории прав человека. Наша идея свободы коренится не в пуританизме и не в учении Руссо, а в исконно немецком духе. Эта свобода заключается в самостоятельном и осознанном приятии сверхиндивидуального духа общности, вместе с живым участием в жизни общности. Это свобода добровольного принятия на себя ответственности за целое, свобода живой и личной оригинальности каждого отдельного в пределах целого, свобода чувства общности и дисциплины; причем и то и другое основывается на готовности жертвовать собою во имя идей, а потому тесно связано со всем нашим религиозно-этическим существом, так резко отличным от английского и французского. <...> Правда, эта свобода до сих пор вынуждена бороться с сословными и кастовыми преградами; она не может получить исчерпывающего развития в рамках исключительно парламентарных институций. Но она одерживает величайшие триумфы в самоуправляемых организациях и предприятиях, а также в народном образовании, уже полностью ориентированном на этот принцип. Нам давно известно, что эта наша идея — иная, чем у западных европейцев. Но до какой степени она иная — стало понятным только в эту войну. Именно в этом пункте идеи 1914 года четко и ясно противостоят идеям 1789-го, но притом противостоят творчески и несут в себе новое будущее — означая не уничтожение тех прежних идей, но только совсем иное оформление уже содержавшегося в них стремления к свободе и достоинству, содержательности и глубине личности. Те прежние идеи настаивали на существовании изолированного индивидуума с его разумом, везде равным самому себе; наши новые идеи устремлены к жизни народного целого и требуют от каждого личного вклада в это целое и включенности в него. <...>

К великим переживаниям этой войны принадлежало еще и это: объединение в борьбе против общего врага чрезвычайно различных государственных образований — Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции, — причем это объединение совершилось под сильнейшим, однако всегда дружественным и всегда лишь добровольно приемлемым влиянием немецкого духа. <...> Сегодняшняя система союзов указывает на принципиально новую ситуацию в международной политике, на возможность нового самоутверждения немцев уже не в континентальном, а в планетарном масштабе. Это положение дел заслуживало бы того, чтобы сегодня его изучили и описали в современных, не вчерашних формулах мышления, — ведь все это предвещает новую, еще только возникающую возможность всемирно-политической идеи немцев и Германии. <...>

(пер. с нем. яз. и примеч. Г. Е. Потаповой)

Примечания

Впервые опубликовано: Ernst Troeltsch. Die Ideen von 1914 // Die neue Rundschau. 1916. Jg. 27. S. 605–624). Статья вошла в книгу: Ernst Troeltsch. Deutscher Geist und Westeuropa: Gesammelte kulturphilosophische Aufsätze und Reden. / Hg. von H. Baron. Tübingen, 1925. S. 31–58.

Эрнст Трельч (1865–1923) — философ, социолог; политик либерального направления; один из виднейших немецких теологов XX века, стремившийся обосновать союз протестантизма с современной культурой. В статье 1916 года, рассуждая об «идеях 1914-го», он воздает этим идеям должное: благодаря им немцы в начале войны испытали общенациональное переживание, состоявшее в новом обретении веры в Бога и в дух, а также в осознании единства. Говоря об экономических последствиях войны — замкнутом торговом государстве и международной изоляции, он видит в этих феноменах стимул к более трезвому и серьезному национальному самоосмыслению. После войны Трельч дистанцировался от «идей 1914 года».

[1] Речь идет о следующей брошюре шведского консервативного политика, ученого, юриста Рудольфа Челлена (1864–1922): Rudolf Kjellén. Die Ideen von 1914. Leipzig, 1915.

[2] Johann Plenge. Der Krieg und die Volkswirtschaft. 2. Aufl. Münster, 1915. Иоганн Пленге (1874–1963) — видный немецкий социолог и экономист; профессор Вестфальского университета (Мюнстер). Подробно Пленге развивает те же мысли в чуть более поздней книге «1789 и 1914: Символические годы в истории политического духа» (Johann Plenge. 1789 und 1914: Die symbolischen Jahre in der Geschichte des politischen Geistes. Berlin, 1916). В книге анализируется конфликт между «идеями 1789-го», то есть идеалом «свободы, равенства, братства», и «идеями 1914-го», иными словами: идеалом *организации*. Пленге отстаивает идею «народной общности» и формулирует концепцию «немецкого социализма» как «гражданского мира» между предпринимателями, помещиками и социал-демократами под патронажем короны. Как указывает Трельч в примеч. на стр. 33 указанного выше издания, Пленге прислал ему эту книгу во время работы над докладом 1916 г. Там же Трельч пишет о том, что их размышления шли в очень близком направлении, причем это сходство не было результатом прямых влияний и заимствований, а только результатом одной и той же идейной установки.